

Literature

Әдәбият

Литература

WESTERN EUROPEAN CLASSICS: G.TUKAY'S TRANSLATIONS

Talgat Nabiyeovich Galiullin,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
tatlit@mail.ru

Mileusha Mukhametzyanovna Khabutdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
mileuscha@mail.ru

The article focuses on the aesthetic standpoint of interference in free translations written by the Tatar national poet G.Tukay (1886-1913). The paper identifies the artistic features of the poet's ways of translation of Western European classics. The analysis proves that the transcriptions given by G.Tukay on the basis of the Russian translation of poems by Shakespeare, Byron, Schiller, Goethe and Heine, attach the reader to the best achievements of the world civilization and enrich the national poetry of the twentieth century with new opportunities of developing human spiritual world in its complex links with the social environment.

Key words: world civilization, lyricism, national poetry, poetic grace, literary process, Tatar literature, Gabdulla Tukay, aesthetic interference.

In 1809, the great English poet Byron wrote the poem "Lines written in the Album, at Malta". In 1836, Mikhail Lermontov translated it into Russian. Using this translation, in 1907, in a hundred years after the original writing of the poem, Gabdulla Tukay translated it into the Tatar language.

It shows a deep connection which existed between the poets of different nations and generations. However, it is the following fact that is really surprising: Byron was 21 years old, when he wrote these verses. Lermontov was 22, when he translated them and Tukay was 21. Thus within a century, at the same age, three great youths of the world thought, loved, tormented, similarly burned in the poetic fire as siblings.

It confirms once again that Gabdulla Tukay, primarily being a national poet of the Tatar people, simultaneously is an outstanding representative of the Russian poetry, and this alone speaks about his belonging to the world literature.

S.Mikhalkov [1: 126].

In the early 20th century, national intelligentsia was seriously concerned about the problem of integration of Tatar literature into the world literary process. Until the last quarter of the 19th century Eastern classics was basically translated into the Tatar language – from the Arabic, Persian and Turkish languages. Soon, due to the efforts of translators, Tatar readers have found an opportunity to plunge into the world of Russian and European literature. Works of American, British, Greek, Spanish, Italian, German, Norwegian, Polish, French writers were translated into Tatar through the mediation of the Russian or Turkish languages,

either directly from the original. In his article "Translations" D.Validi defined the meaning of translations from Russian and foreign classics in this way: "Pushkin, Shakespeare, Schiller, Hugo are "threads" that should connect us with the "community of nations" [2: 2]. Thus, the Tatar literature acquaints with Western philosophical and aesthetic thought in the period when it had strong links with Russian literature, as well as its own ethnic experience based on the rich literature of the East [3: 194]. Styles and trends developed in Western literature harmoniously connected with the matrix of Turkic literary tradition [4: 7].

During the first half of the twentieth century, thanks to translations into Tatar, Tatar readers got an opportunity to become acquainted with such great works of world literature as "Hamlet", "Romeo and Juliet", "King Lear" by Shakespeare, "The Divine Comedy" by Dante, "Don Quixote" by M.Cervantes, "Captain Grant's Children", "80,000 leagues Under the Sea", "Captain at Fifteen" by Jules Verne, "Childe Harold's Pilgrimage", "The Prisoner of Chillon" by Byron, "The Adventures of Tom Sawyer", "The Prince and the Pauper" by M.Twain...". "The choice of works for translation was primarily determined by inner requirements, aesthetic needs of readers, the translator's knowledge of foreign literature; and the translation quality depended on competencies and taste of a translator" [5: 250-251].

It is widely known that the Tatar national poet G.Tukay attached great importance to the translations from Western European literature [6: 97], he was actively involved in translation work, keenly followed the translations of his contemporaries (S.Sunchaley, S.Ramiev etc).

In Soviet times, the studies were mainly focused on the problem of Russian literature influence on Tukay's artistic thinking, while the role of Western European traditions was suppressed [7]. In the post-Soviet times, researchers began to study the problems of interference, synthesis of western and eastern cultures [8]. According to some scholars, the fact that G.Tukay didn't know any Western languages led to the objective difficulties in acquiring achievements of European culture. In our point of view, literature specialists ignored the fact that the Tatar poet could acquire world cultural achievements through the Russian and Turkish languages.

In 1908 – 1913 G.Tukay, dissolving aesthetic and literary achievements of Russian and world culture in the crucible of his creative "ego", introduced the Tatar reader to the works of the world

literature. Translated works of the poet show that his idols were Shakespeare, Byron, Schiller, Goethe and Heine ... "In this focus of the Tatar poet on creative experience of such different authors is his talent, a universal synthetic way of his creative thinking, the ability to avoid one-sided view of the world" [9: 132].

G.Tukay was familiar with the works of the great English playwright William Shakespeare [10: 93]. On the advice of S.Rahmankulov, the poet had read the tragedy "Timon of Athens", which made a great impression on him, and it became an echo in the poem "Telänche" ('The Beggar'), "Dönyada torıymy? Dip kınışlähkän dustyma" ('To a friend who asked me 'Shall I live in the world?'), "Upkä" ('Insult') [11: 165].

With great enthusiasm G.Tukay read 'Romeo and Juliet'. Impressed by the tragedy the poet translated two miniatures from this great work. In the first one he was attracted by the idea of life transience:

Kitä räähät, "kiläbashlyy" digänche;

Yäshenhämyukbula "yäshni"! digänche [12: 234].

With subtle humor the poet describes the nuances of relationship between Romeo and Juliet in the second miniature:

In carrion flies than Romeo they may seize On the white wonder of dear Juliet's hand, And steal immortal blessing from her lips, Who even in pure and vestal modesty, Still blush, as thinking their own kisses sin; Flies may do this, but I from this must fly: They are free men, but I am banished. [13: 58].	Küräm kaychak žankäyemneñ yağagyna cheben kungan, Yöri bit shatlanyp shun- da, üzenchä älläkem bul- gan, Karyym da min, bäkhetez, shul chebennen bäkhten kön- lim; "Khodayem, ni säbäptän bulmadym çoñ shul che- ben min!" – dim. G.Tukay "Shekspirdän (Küräm kaychakta)" (1909) [14: 48].
--	---

The poet creatively elaborated Shakespearean text: taking Shakespeare's fable thread as a basis, Tukay did not choose the path of direct, literal word for word translation. Deliberately missing the names of the characters to which Tatars in those years were unaccustomed, he attached a more generalized meanings and senses to his transcription.

E.G.Nigmatullin believes that "G.Tukay liked the complicated psychological pattern of Shake-

speare”, “laughter through invisible tears”, he shortened the text, creating a miniature” [10: 94]. In the opinion of R.Sayfullina, while translating this miniature the poet primarily relied on the tradition of oriental poetry: “Tukay depicts the longing of Romeo for Juliet according to the canons of Nazeer as a genre. He translates poetic lines of the English dramatist substantially reducing it as a quatrain in the genre of rubai to make it more perceptible for readers. In this passage, translated from Shakespeare, the inner world of the lyrical hero is fully disclosed. Heart wounds, kept in secret from human eyes and the tragic side of human relationships are also described here with subtle humor” [11: 166-167].

E.R.Galieva, a literary scholar, writes that the poet joins the common with the individual, especially with the personal experiences of the author, the story of his unfortunate love [15:252-253]. Tukay’s free translation got a positive assessment of R.Bashkurov [16: 118-119], E.Nigmatullin [10: 74-75, 93] N.Laisov [17: 114-115] and other scholars. They all are unanimous in their opinion that Shakespeare’s works attracted Tukay’s attention due to the depth of his analysis, coverage of events, systemic evaluation of the existing world order, embossed image of human nature, passionate temperament and richness of figurative and expressive means.

R.Sayfullina is convinced that Hamlet’s soliloquy found creative interpretation in G.Tukay’s article “*Yubiley mönäsäbäte belän*” (1913) [18: 259], in which he ponders over the fate of the Tatar nation [11: 167-168].

In one of his articles G.Karam, the poet’s contemporary, an expert on Shakespeare’s art, and theater critic mentions that the poet recommended including a number of works of Western literature, which he knew firsthand into the reading circle of the Tatar reader. It is known that G.Tukay discussed Shakespeare’s tragedies with the poet Sultan Rakhmankulov and the actors of the theater troupe “Sayar” [15: 251-252].

G.Tukay was fascinated by Shakespeare’s tragedies, revealing the subtle nuances of human relationships, experience, enduring thoughts. Like the great English tragedian, Tukay artfully uses narrative and dialogical verse, revealing the psychological state of his lyrical hero. Not coincidentally, Shakir Mukhamedyarov, well acquainted with the poet, compared Tukay with Shakespeare. “The poet has managed to leave the heritage to the Tatar nation, which is like a huge inheritance left by Shakespeare to the English nation” [19: 305].

The poem “Bayronnan” (1907) [14: 209] shows Tukay’s interest in the personality of the poet, social activist, singer of freedom. Tukay associated the poet’s life with burning. Thanks to his creativity, the poet becomes immortal. Using Lermontov’s lyrics as the foundation the Tatar poet keeps the tone of confessional monologue.

G.Tukay assisted S.Sunchaley in editing the translated text of “The prisoner of Chillon” by Byron, wrote the preface and helped with the publication of the book [4:12]. The poet’s findings in translation were in great demand by his contemporaries. So, working on Schiller’s ballad “The Glove”, S.Ramiev based not only on the translation of Lermontov, but also on the writings of G.Tukay, to which testifies the episode with the evil spirit [10: 72-73].

German romanticism also made a deep impression on the poet. In 1907, G.Tukay created a literary translation based on Lermontov’s poem “To ***” (From Schiller) (1829) – a free translation of the poem ‘An *’ (‘Teilemitmir, wasduweisst’) [20: 67]. Comparing with the original text, the researchers note that the nature of the lyrical experience in an epigram of the Russian poet has changed: “Restrained irony”, half-smile of the sage give place to a sardonic, venomous sneer.

The attitude to the addressee is not expressed by discrediting his lifestyle and character traits. The derogatory tone of the epigram itself is able to hurt the person against whom a neglect and contempt rebuke is performed. “Epigrammatic Pointe is in accordance with stylistic and semantic break, instead of the neutral lexicon colloquial expletives appear such as “Why the hell ...”, calm and even some abstract reasoning is broken with sharp satirical attack on the addressee” [21: 38].

Cf.:

Teile mir mit, was du weibst, ich werd es dank- bar empfangen, Aber du gibst mir dichs elbst, damit verschone mich, Freund. SchillerF. „An*“ („Teile mir mit, was du weibst...“ [22: 347].	Delis’ so mnoyu tem, chto znaesh’, I blagodaren budu ya. No ty mne dushu pred- lagaesh’ – Na koy mne chert dusha tvoya!.. Lermontov “To ***” (From Schiller) (1829) [23].
--	--

From our point of view G.Tukay took Lermontov’s manner of philosophical meditation on the values of human existence. As a result the epigram has become a poem where educational ideal of the poet is celebrated:

Shillerdän	Iz Shillera
<i>Sin bülesh, söysän mine, gyy'l'men, vägyr-fanyñbelän; Närsäbelsänqä, ikäüur-taklashyykanyñbelän. Sin isä: "Estär isän, žanyñny birermen", – disen. Närsägä žanyñ miña, nishlim cinen žanyñ belän? G.Tukay "Shillerdän" (1907) [14: 170].</i>	<i>Esli dorog stol' tebe ya, znan'ya mne svoi otkroy, Podelis' svoey kul'turoy, kak sokrovishchem so mnoy. Ty mne predlagaesh': "Khochesh' dushu vsyu svoyu otdam!" Dlya chego tvoya dusha mne, chto mne delat' s toy dushoy? (Translated S.Bobkov) [24: 94].</i>

As it was observed by D.Zagidullina, in Kazan period the "educational paradigm" of G.Tukay changes, turning into an "object of philosophical reasoning", "the motive of serving the nation and the people came to the fore" [25: 46]. Defending the sovereignty of his citizenship, Tukay's lyrical hero rejects love, believing that at this stage of his life he should devote himself to the service of the nation. Solemnity of tone is achieved through the introduction to the text of established synonymous combinations with *vä*. In such constructions the status of each component is strictly defined, and violation of the order may result in the loss of grace and expressive coherence.

The lyrical hero dreams of a like-minded friend, when the dialogue could lead to the enrichment of both personalities. The antithesis "*min*" – "*sin*" ('I' – 'you'), emphasizing the discrepancy of interlocutors' attitudes, emphasizes the composition of the poem. Thus, unlike Lermontov, G.Tukay in his translation did not envelope his judgment in a sharp, pointed-rough shape aimed at getting rid of the annoying companion. In the Tatar text that deliberate, shocking rudeness, in which a vulnerable soul of a lyrical hero is hidden, is not shown. The text is saturated more with educational didactics than satire.

The poem "Bishektäge bala" ('The Child In The Cradle') was written on the basis of a translation of Mikhail Lermontov's "Child in the Cradle", which in its turn was a philosophical translation of Schiller's couplet "Das Kind in der Wiege" (1796), from the series "Votive tables":

<i>Gluecklicher Saeugling! Dir ist ein unendlicher Raum noch die Wiege. Werde Mann, und dir wird eng die unendliche</i>	<i>Schastlivyy mladenets! Tebe kolybel' – prostanstvo bez kraya i mery. Muzhchinoyu stanesh' i</i>
---	--

<i>Welt. Friedrich Schiller. „Das Kind in der Wiege“ [22: 361].</i>	<i>mira prostory tesny tebe stanut i melki. M.Lermontov "Child in the cradle" [26: 686].</i>
---	--

As it is indicated in Lermontov encyclopedia, "the meaning of the original was transmitted correctly, but the Russian poem has no word *unendlich* ('infinite') repeated by Schiller twice thus reinforcing the opposition of "the cradle" and "the world" [27: 93]. "Childhood is conceptualized in the romantic spirit as the perfect time of human life, harmonious state, devoid of tragic reflection and doubts". Lermontov made changes in the composition of the poem: "After the appeal "Happy baby! And cradle is spacious for him" he used a colon, although in the original text there is a comma thus giving the development of the plot in the narration; but Lermontov emphasized the advantage of being a child and all that is behind the colon, decrypts the first sentence, develops the main idea – the idea of a child's happiness, the advantages of childhood in relation to adulthood" [28: 5].

G.Tukay generally retains the meaning of Lermontov's translation, filling the text with expression through the use of phraseological units ("Ike at ber tiyen, dingež tubyktan tiñ äle anğar!")

Bishektäge bala	Mladenets v kolybeli
<i>Bäkhette narasyddä! Tar bishek tä kiñ äle anğar! Ike at ber tien, dingež tubyktan tiñ äle anğar! Väläkin ber zaman, ul tik beraz üssen dä ir bulsyn; Kürener kiñ žihan anğar kaberdän häm läkhettän tar. G.Tukay "Bishektäge bala!" (1907) [14: 169].</i>	<i>Kak schastliv mladenets, poka emu kolybel' shiroka. Dlya malen'kogo pauka maleyshaya shchel' shiroka. Potom, dozhivaya svoj vek, zadumaetsya chelovek; Mogila – ves' mir, a komu takaya postel' shiroka? (Translated V.Makushevich) [24: 93].</i>

The poem is also built on the antithesis of a child and an adult outlook on the world and life values. Infancy is conceptualized by the poet as a wonderful time of life, not darkened by any contradictions. Growing up, one realizes the relativity of his perceptions and judgments about the world, the potential of his own personality. Tukay reflects impossibility of a person to realize his spiritual potential fully. The Tatar poet retains the antithesis of "the cradle" – "the world". To achieve expressive-

ness Tukay resorts to sustainable synonymous combination *kaber häm läkhet*.

G.Tukay was also close to Goethe's understanding of the world. Thus, in the poem "Tösh" ('Dream') (1910) [14: 151] the Tatar poet, resorting to the style of an oriental tale, reveals the truth to the reader: "Life's only bliss is in love" (Goethe).

The artistic structure of the poem is a tribute to the Eastern tradition. In the system of images a traditional couple consists of a man pleading for love and his flirtatious and unattainable beloved. Tukay turns to the image of the poet-dreamer. A dream functions as a mirror through which the hero discovers the true values of life for himself. R.Ganieva, T.Gilazov believe that in this poem there is an echo of the love story of Tukay to Zaituna Mavlyudova [15: 216-217]. Powerful lyrical talent of the Tatar poet is revealed in the free translation of the poem by Goethe.

Another poet whose works were spiritually and emotionally close to Tukay was a German lyricist H. Heine. "Heine had a huge impact on the work of the great Tatar poet G.Tukay. First of all I would like to say about Heine's lyrical songs, which motives are in tune with the lyric lyre of G.Tukay" [10: 30-31]. Here a series of "Country Song" of the poet should be noted, which have been created for a number of years on the theme and mood of folk melodies.

Tukay's translation from Heine "Kemnän yärdäm ezlärgä" (1908) [14: 255] is permeated with didacticism and doctrine, which was established on the basis of translation of A.Maykov "I've heard a lot of good advice". Generally, the translation corresponds to the original. Goethe's poem is "philosophical, it asserts the idea of an active person who must work to change his life" [10: 30-31]. Increasing the poem by five other lines, Tukay stressed the intonation to protect the poetic independence of the creator. The Tatar poet maintains an ironic tone of the narration and a confessional intonation.

Creative translations of Shakespeare, Goethe, Heine and Byron's works bear the imprint of G.Tukay's poetic individuality. It was important for him, when referring to works of foreign-language poets, to preserve the theme, the structure, the elements of systems and subsystems, i.e. the general tone of the works.

In Ural creative period (1905 – 1907) G.Tukay increasingly appeals (exceptions take place as well) to the heritage of romantic poets, passionate, but more abstract fighters against tyranny, for free-

dom of the individual, i.e. to creativity of Lermontov and due to him to Byron, Schiller, Goethe... In Kazan period (1908 – 1913) Tukay, in his new works, including translations, keeping distinct connections with people is more inclined to the historical and philosophical, moral and ethical grounds which allows to interpret his judgment depending on the mood and competencies of a reader. Mature Tukay is more impressed by global thinkers, philosophers, writers such as Shakespeare, Tolstoy, shrewd and subtle lyrics of Heine... If the English romantic poet Byron as well as Lermontov were close to Tukay with their enthusiastic and careful perception of reality, their free thoughts and subtle analysis of human psychology, Shakespeare's works attracted him with their mastery of the opening image of the world as a concept of the reason for existence, as complex movements of the human soul. Tukay varies the text freely and tends to create a new piece of work based on the eastern perception of the world and the man's inner world.

References

1. Tukay...: Dön'ya khalyklary Tukay turynda / Töz.: R.Ak'et. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2006. 222 b. (in Tatar).
2. Väliidi Ž. Täržemälär // Vakyt. 1913. № 1193. 2 b. (in Tatar).
3. Nigmatullin E.G. Tatarskaya literatura nachala XX veka v ee otnoshenii k zapadnoevropeyskoy literature i esteticheskoy mysli: Diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 1972. 232 s. (in Russian).
4. Nagimov N.I. Perevody Sagita Suncheleya iz zapadnoevropeyskoy literatury: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Kazan': IYaLI, 2006. 24 s. (in Russian).
5. Gilazev Z.Z. Perevody proizvedeniy zapadnoy literatury na tatarskiy yazyk v 1901-1917 gg. (v knizhnykh izdaniyakh) // Istoriya Rossii i Tatarstana: itogi i perspektivy entsiklopedicheskikh issledovaniy: sbornik statey itogovoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Kazan', 26-27 fevralya 2009 g.) / In-t Tatar. entsiklopedii AN RT; otv. red. A.I.Nogmanov. Kazan', 2009. S. 250-252. (in Russian).
6. Gabdulla Tukay. Äsärlär: bish tomda / G.Tukay; SSSR FA. Kazan filialy, G.Ibrahimov isem. Tel, ädäbiyat häm tarikh in-ty; tekst häm iskärmälärne äzerläde R.Gaynanov; G.Khalit redaktsiyasendä. T. 5: İstäleklär. Yul'yazmalar. Khatlar. Mäsällär häm balalar öchen khikäyälär (1902-1913). Kazan: Tatar. kit. nashr., 1986. 368 b. (in Tatar).
7. Sm.: Agishev Ya. Tukay. Kazan': Tat.kn. izd-vo, 1961. 37 s. (in Russian); Agishev Ya. Tvorchestvo Gabdully Tukaya. Kazan': Tatgosizdat, 1954. 93 s. (in Russian); Pekhtelev I. Tukay i russkaya literatura. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1966. 181 s. (in Russian).

- sian); *Pekhtev I.* Pushkin. Lermontov. Tukay. Kazan': Tatgosizdat, 1949. 127 s. (in Russian); *Khalit G.* Gabdulla Tukay. Kazan': Tatgosizdat, 1956. 231 s. (in Russian).
8. Sm.: *Amineva V.R.* M.Yu. Lermontov i G.Tukay: k voprosu o strukturno-soderzhatel'nykh osobennostyakh mezhliteraturnykh tekstovyykh obrazovaniy // *Filologiya i kul'tura. Philologi and Culture.* 2012. №2(28). S.7-10(in Russian); *Amineva V.R., Sham-sutdinova R.G.* "Rossiya" Bloka i "Tugan žiremä" Tukaya: K voprosu o chitatele kak sub"ekte mezhliteraturnykh dialogov // *Filologiya i kul'tura. Philologi and Culture.* 2012. №3(29). S. 103-106(in Russian); *Gyylažev T.Sh.* Tukay fäne // *Ädäbi miras: tarikh häm zaman.* Kazan: Tatar. kit. näshr., 2005. 14-86 b. (in Tatar); *Ganieva R.K.* Shagyyr'neñ rukhi dön'yasy ("Gabdulla Tukay" entsiklopedik süzlek-beleshmäsenä äzerlängän materiallardan). Kazan: TaRIKh, 2002. 112 b. (in Tatar); *Khisamov N.Sh.* Tukayny töshenü yulynda ("Gabdulla Tukay" entsiklopedik süzlek-beleshmäsenä materiallar). Kazan: TaRIKh. 2003. 78 b. (in Tatar); *Nigmatullina Yu.G.* Natsional'noe svoeobrazie esteticheskogo ideala. Kazan': Kazan. gos. un-t, 1970. 211 s.; *Sayapova A.M.* Dardmend i problema simvolizma v tatarskoy literature. Kazan': Alma-Lit, 2006. 246 s. (in Russian); *Khalitov G.M.* S lyubov'yu k cheloveku i pravde: Literaturno-kriticheskie stat'i. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1975. 328 s. i dr. (in Russian).
 9. *Amineva V.R.* G.Tukay i N.V.Gogol': tipologicheskije paralleli // *Nauchnyy Tatarstan.* 2011. №3. S. 132-145. (in Russian).
 10. *Nigmatullin E.G.* Razdvigaya veka i granitsy: k voprosu o svyazyakh tatarskoy literatury pervoy trety XX veka s literaturoy Zapadnoy Evropy. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1977. 136 b. (in Russian).
 11. *Säyfullina R.I.* Shekspir häm Tukay // G.Tukay mirasy häm milli-mädäni baglanyshlar // G.Tukay tuuyna 125 el tuluga bagyshlangan khalykara fännigamäli konferentsiya materiallary. Kazan, 2011. 165-167 b. (in Tatar).
 12. *Tukay G.M.* Äsärlär: 6 tomda. Akademik basma. 1 t.: shig"ri äsärlär (1904-1908) / Töz., tekst., isk. häm añl. äzerl. R.M.Kadyrov, Z.G.Mökhämmätshin; keresh süz avt. N.Sh.Khisamov, Z.Z.Rämiev. Kazan: Tatar.kit.näshr., 2011. 407 b. (in Tatar).
 13. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet. Moscow: Higher School Publishing House, 1972. 126 p. (in English).
 14. *Tukay G.M.* Äsärlär: 6 tomda. Akademik basma. 2 t.: shig"ri äsärlär (1909-1913) / Töz., tekst., isk. häm añl. äzerl. Z.R.Shäykhelislamov, G.A.Khösnetdinova, E.M.Galimžanova, R.M.Kadyrov, Z.Z.Rämiev. Kazan: Tatar.kit.näshr., 2011. 384 s. (in Tatar).
 15. Gabdulla Tukay äsärläre: süzlek-beleshmälek / töz. häm keresh süz avt. Z. Rämiev: fän. mökh-läre Z.Rämiev, Z.Shäykhelislamov. Kazan: Tatar.kit.näshr., 2012. 480 b. (in Tatar).
 16. *Bashkurov R.* Tukay häm rus ädäbiyatı: Shagyyr'neñ tärzemäläre turynda. Kazan: Tat.kit.näshr., 1958. 120 b. (in Tatar).
 17. *Laisov N.* Lirika Tukaya: Voprosy metoda i zhanra. Kazan': Tat.kn. izd-vo, 1978. 166 s. (in Russian).
 18. *Tukay Gabdulla.* Äsärlär. Bish tomda: IV tom. Kazan: Tatar. kit. näshr., 1985. 351 b. (in Tatar).
 19. Tsit. po knige: Mikhael' Friderikh. Gabdulla Tukay kak ob"ekt ideologicheskoy bor'by / Per. s nem. I.A.Gilyazova. Kazan': Tat.kn.izd-vo, 2011. 343 s. (in Russian).
 20. *Lermontov M. Yu.* Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh. T.1. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1979. 655 s. (in Russian).
 21. *Ermolenko S.I., Skobeleva M.L.* Epigrammy M.Yu.Lermontova: pozitsiya liricheskogo "ya" skvoz' prizmu yazykovoy igry // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika".* Vyp. 3. Chelyabinsk, 2007. S. 36-40. (in Russian).
 22. *Schiller F.* Sämtliche werke in 10 baenden. Bd. 1: Gedichte. AufBau. Verlag. 1980. P. 347. (in German).
 23. *Lermontov M.Yu.* "K***" (Iz Shillera) (1829) FEB // URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/fvers/121/121-0961.htm> (data obrashcheniya 1.09.2013). (in Russian).
 24. *Tukay G.* Shigyr'lär, poemalar häm äkiyatlar (Na russkom yazyke. Perevod s tatarskogo). Kazan: Tat.kit.näshr., 1986. 415 b. (in Tatar).
 25. *Zagidullina D.F.* Osnovnye motivy v poezii Gabdully Tukaya: otzrazhenie posvyashchennoy narodu zhizni // *Nauchnyy Tatarstan.* 2011. №2. S. 46-56. (in Russian).
 26. *Lermontov M.Yu.* Ditya v lyul'ke // *Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie stikhotvoreniy: V 2 t. t.1. L.: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie,* 1989. 686 s. (in Russian).
 27. *Motovilov N.N.* Lermontovskaya entsiklopediya. M.: Sov. Entsikl., 1981. (in Russian).
 28. *Lobova T.M.* Fenomenologiya detstva v tvorchestve M.Yu.Lermontova: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 / Lobova Tat'yana Mikhaylovna; Ekaterinburg, 2008. 177 s. (in Russian).

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ КЛАССИКА В ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ Г. ТУКАЯ

Талгат Набиевич Галиуллин,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
tatlit@mail.ru

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
mileuscha@mail.ru

Цель настоящей статьи – исследование вольных переводов татарского народного поэта Г. Тукая (1886-1913) с точки зрения эстетической интерференции. В работе выявлены художественные особенности переводов поэта западноевропейской классики. В ходе анализа доказано, что переложения, созданные Г. Тукаем на основе русских переводов стихотворений Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, Гейне, приобщили татарского читателя к лучшим достижениям мировой цивилизации и обогатили национальную поэзию XX века новыми возможностями раскрытия духовного мира человека в его сложных связях с общественной средой.

Ключевые слова: мировая цивилизация, лиризм, национальная поэзия, стиховое изящество, литературный процесс, татарская литература, Габдулла Тукай, эстетическая интерференция.

В 1809 году великий английский поэт Байрон написал стихотворение «В альбом». В 1836 Михаил Лермонтов перевел его на русский язык. Воспользовавшись этим переводом, Габдулла Тукай в 1907 году, то есть через сто лет после написания великим английским поэтом, перевел это стихотворение на татарский язык.

Такая глубинная связь поэтов разных народов и поколений. Но удивляет и другое: Байрону, когда он написал эти стихи, был 21 год. Лермонтову, когда он переводил их, – 22, а Тукаю – 21 год. Таким образом, три великих юноши мира в течение одного века, но будучи в одном и том же возрасте, мыслили, любили, терзались, горели поэтическим огнем одинаково, как родные братья.

Это лишний раз подтверждает, что Габдулла Тукай, будучи прежде всего национальным поэтом татарского народа, одновременно является выдающимся представителем российской поэзии, а это, в свою очередь, говорит о его принадлежности к мировой литературе.

С. Михалков [1: 126].

В начале XX века национальная интеллигенция была всерьез озабочена проблемой интеграции татарской литературы в мировой литературный процесс. До последней четверти XIX века на татарский язык в основном переводилась восточная классика – с арабского, персидского и турецкого языков. Вскоре татарский читатель благодаря усилиям переводчиков обрел возможность окунуться в мир русской и европейской литературы. Произведения американских, английских, греческих, испанских, итальянских, немецких, норвежских, польских, французских писателей на татарский язык пе-

реводились при посредничестве русского или турецкого языков, либо непосредственно с оригинала. Дж. Валиди в статье «Переводы» так определил значение переводов русской и зарубежной классики: Пушкин, Шекспир, Шиллер, Гюго – «ниточки», которые должны нас соединить с «содружеством наций» [2: 2]. Таким образом, татарская литература знакомится с западноевропейской философско-эстетической мыслью, уже имея взаимосвязи с русской литературой, а также собственный национальный опыт, основанный на богатой литературе Востока [3: 194]. Разработанные в западной литературе стили и направления гармонично соединились с матрицей тюркской литературной традиции [4: 7].

В первой половине XX века, благодаря переводам, татарский читатель получил возможность познакомиться с такими величайшими произведениями мировой художественной литературы, как «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Король Лир» Шекспира, «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Дети капитана Гранта», «80 000 лье под водой», «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна, «Паломничество Чайльд Гарольда», «Шильонский узник» Байрона, «Приключения Тома Сойера», «Принц и Нищий» М. Твена... «Выбор произведений для перевода обуславливался в первую очередь внутренней потребностью, эс-

тетическими запросами читателей, определялся степенью знакомства переводчика с иноязычной литературой, а качество перевода зависело от уровня образованности и вкуса переводчика» [5: 250-251].

Широко известно, что татарский народный поэт Г.Тукай придавал важное значение переводам из западноевропейской литературы [6: 97], активно включившись в переводческую деятельность, зорко следил за переводами современников (С.Сунчалеев, С.Рамиев и др.).

В советские годы внимание тукаеведов было приковано к проблеме влияния русской литературы на художественное мышление Тукай, роль же западноевропейской традиции замалчивалась [7]. В постсоветское время исследователи стали уделять внимание проблемам взаимодействия, синтеза западных и восточных культур [8]. Незнание Тукаем западных языков, по мнению некоторых ученых, привело к объективным трудностям в освоении достижений европейской культуры. На наш взгляд, литературоведы необоснованно проигнорировали тот факт, что татарский поэт мог приобщиться к достижениям мировой культуры через русский и турецкий языки.

В 1908-1913 гг. Тукай, растворяя в горниле своего творческого «я» эстетические и литературные достижения русской и мировой культуры, знакомит татарского читателя с произведениями мировой литературы. Из переводных произведений самого поэта видно, что его кумирами были Шекспир, Байрон, Шиллер, Гете и Гейне... «В этой сориентированности татарского поэта на творческий опыт разных и непохожих друг на друга авторов дало себя знать глубинное свойство его таланта – универсально-синтетический склад художественного мышления, умение избегать односторонности в видении мира» [9: 132].

Г.Тукай был хорошо знаком с произведениями великого английского драматурга У.Шекспира [10: 93]. По совету С.Рахманкулова, поэт читает трагедию «Тимон Афинский», которая произвела на него огромное впечатление, отголоском которого стали стихотворения «Теләнче» («Нищий»), «Дөнъяда торыйммы? – дип киңэшләшкән дустыма» («Жить ли мне на свете? – так посоветовавшему другу»), «Үпкә» («Обида») [11: 165].

С большим воодушевлением Г.Тукай прочитал «Ромео и Джульетту». Под впечатлением от прочитанного поэт перевел две миниатюры

из бессмертного произведения. В первой его привлекла идея быстротечности жизни:

Китә рәхәт, «килә башлы» дигәнче;

Яшен һәм юк була «яшһи!» дигәнче [12: 234].

С тонким юмором поэт описывает нюансы взаимоотношений Ромео и Джульетты во второй миниатюре:

In carrion flies than Romeo they may seize On the white wonder of dear Juliet's hand, And steal immortal blessing from her lips, Who even in pure and vestal modesty, Still blush, as thinking their own kisses sin; Flies may do this, but I from this must fly: They are free men, but I am banished. [13: 58].	Күрәм кайчак жанкәемнең яңагына чебен кунган, Йөри бит шатланып шунда, үзенчә әллә кем булган! Карыйм да мин, бәхет- сез, шул чебеннең бәх- тене көнлим; «Ходаем, ни сәбәптән булмадым соң шул че- бен мин!» — дим. Г.Тукай «Шекспирдән (Күрәм кайчакта)» (1909) [14: 48].
--	--

Поэт творчески переработал текст Шекспира: взяв за основу стихотворения шекспировскую фабульную нить, Тукай не встал на стезю прямого, буквального перевода слова в слово. Опустив непривычные для татарского слуха тех лет имена героев, тем самым придал своему переложению более обобщенный характер.

Э.Г.Нигматуллин считает, что «Г.Тукаю по душе сложный психологический узор Шекспира, «смех сквозь незримые слезы», он сокращает текст, создав миниатюру» [10: 94]. По мнению Р.Сайфуллиной, при переводе данной миниатюры поэт прежде всего опирался на традиции восточной поэзии: «Тукай тоску Ромео по Джульетте изображает, согласно канонам жанра назира. Он переводит поэтические строки английского драматурга, напоминающие сонет, существенно сократив в виде четверостишия в жанре робагы, чтобы облегчить восприятие для читателей. В этом отрывке, переведенном из Шекспира, внутренний мир лирического героя раскрыт полно и многогранно. Здесь присутствуют также описанные с тонким юмором сердечные раны, сохраняемые в тайне от людских глаз, трагические стороны человеческих взаимоотношений» [11: 166-167].

Как отмечает литературовед Э.Р.Галиева, у татарского поэта общее соприкасается с индивидуальным, в частности с личными пережива-

ниями автора, с историей его не состоявшейся любви [15: 252-253]. Вольный перевод Тукая получил положительную оценку у Р.Башкурова [16: 118-119], Э.Нигматуллина [10: 74-75, 93], Н.Лаисова [17: 114-115] и др. ученых. Все они единодушно в мнении, что творчество Шекспира приковывало внимание Тукая глубиной анализа, охватом явлений, системной оценкой существующего миропорядка, рельефным изображением человеческого характера, страстным темпераментом и богатством изобразительно-выразительных средств.

Р.Сайфуллина считает, что монолог Гамлета нашел творческое преломление в статье Г.Тукая «Юбилей мөнәсәбәте белән» (1913) [18: 259], в которой он размышляет о судьбе татарской нации [11: 167-168].

Современник поэта, знаток творчества Шекспира, театальный критик Г.Карам в одной из статей упоминает, что поэт рекомендовал включить в круг чтения татарского читателя целый ряд произведений западной литературы, о которых он знал не понаслышке. Известно, что Г.Тукай обсуждал трагедии Шекспира с поэтом Султаном Рахманкуловым и с артистами труппы «Сайяр» [15: 251-252].

Г.Тукай увлечен шекспировскими трагедиями, раскрывающими тонкие нюансы человеческих отношений, переживаний, непреходящими мыслями, изречениями Толстого. Подобно великому английскому трагику, Тукай искусно владеет повествовательным и диалогичным стихом, выявляя психологическое состояние лирического героя. Не случайно хорошо знавший поэта при жизни Шакир Хамедьяров сравнивал Тукая с Шекспиром. «Поэт... сумел оставить татарской нации наследие, которое подобно огромному наследию, оставленному Шекспиром английской нации» [19: 305].

Стихотворение «Байроннан» (1907) [14: 209] свидетельствует об интересе Тукая к личности поэта, общественного деятеля, певца свободы. Жизнь художника слова, творца уподобляется у Тукая горению. Благодаря творчеству, поэт обретает бессмертие. Татарский поэт, отталкиваясь от текста Лермонтова, сохраняет тональность исповедального монолога.

Г.Тукай оказал помощь Сунчалею в редактировании текста перевода «Шильонского узника» Байрона, написал предисловие и оказал помощь в издании книги [4:12]. Находки поэта в области перевода оказались востребованы его современниками. Так, работая над шиллеров-

ской балладой «Перчатка», С.Рамиев, ориентировался не только на перевод Лермонтова, но и на опыт Г.Тукая, о чем свидетельствует эпизод с нечистой силой [10: 72-73].

Немецкий романтизм также оставил глубокий след в душе поэта. В 1907 г. Г.Тукай создает переложение на основе стихотворения М.Ю.Лермонтова «К***» (Из Шиллера) (1829) – вольного перевода стихотворения «An*» («Teile mit mir, was du weißt») [20: 67]. Сравнивая текст с оригиналом, исследователи отмечают, что в эпиграмме русского поэта изменился характер лирического переживания: «Сдержанная ирония», полуулыбка мудреца уступает место сардонической, ядовитой насмешке.

Отношение к адресату выражается не путем дискредитации его образа жизни и черт характера. Сам уничижительный тон эпиграммы способен уязвить человека, против которого направлена исполненная пренебрежения и даже презрения отповедь». «Эпиграмматическому пуанту соответствует стилистический и семантический слом: вместо нейтральной лексики появляется просторечное бранное «на кой... черт», спокойное и даже несколько отвлеченное рассуждение обрывается резким сатирическим выпадом против адресата» [21: 38].

Ср.:

Teile mir mit, was du weibt, ich werd es dankbar empfangen, Aber du gibst mir dich selbst, damit verschone mich, Freund.	Делись со мною тем, что знаешь, И благодарен буду я. Но ты мне душу предлагаешь – На кой мне черт душа твоя!..
Schiller F. «An*» («Teile mir mit, was du weibt...») [22: 347].	М.Лермонтов «К***» (Из Шиллера) (1829) [23].

Г.Тукай, на наш взгляд, подхватил у Лермонтова маску философского раздумья о ценностях человеческого бытия. В результате эпиграмма превратилась в стихотворение, где воспевается просветительский идеал поэта:

Шиллердән	Из Шиллера
Син булеш, сөйсәң мине, гыйльмен, вә гыйрфаның белән; Нәрсә белсәң дә, икәү уртаклашың аның белән.	Если дорог столь тебе я, знания мне свои открой, Поделись своей культурой, как сокровищем со мной.
Син исә: «Эстәр исән, жанымны бирермен»,-	Ты мне предлагаешь: «Хочешь душу всю

дисен Нәрсәгә жаның миңа, нишлим синен жаның белән? Г.Тукай. «Шиллердән» (1907) [14: 170].	свою отдам!» Для чего твоя душа мне, что мне делать с той душой? (Пер. С.Бобкова) [24: 94].
---	--

Как верно подметила Д.Загидуллина, в казанский период «просветительская парадигма» Г.Тукай претерпевает изменения, превращаясь в «предмет философских умозаключений», «на первый план выходит мотив служения нации и народу» [25: 46]. Отстаивая суверенность своей гражданской позиции, тукаевский лирический субъект отвергает любовь, считая, что на данном этапе своей жизни он должен посвятить себя служению нации. Торжественность интонации достигается через введение в текст устойчивых синонимических сочетаний с *ва*. В подобных конструкциях статус каждого компонента строго определен, а нарушение порядка может привести к потере изящества и экспрессивной согласованности.

Лирический герой мечтает о друге-единомышленнике, о том, чтобы диалог вел к взаимообогащению личностей. Антитеза «мин» – «син» («я» – «ты»), подчеркивающая несовпадение жизненных позиций собеседников, лежит в основе композиции стихотворения. Таким образом, Г.Тукай в своем переложении, в отличие от Лермонтова, не облачает свое суждение в резкую, подчеркнута грубую форму, нацеленную на то, чтобы избавиться от назойливого собеседника. В татарском тексте нет нарочитой, эпатажной грубости, за которой скрывается ранимая душа лирического героя. Текст насыщается просветительским дидактизмом, нежели сатирическим звучанием.

Стихотворение «Бишектәге бала» было написано на основе перевода М.Ю.Лермонтова «Дитя в люльке», которое в свою очередь было переводом философского двустишия Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796) из цикла «Вотивные таблицы»:

Gluecklicher Saugling! dir ist ein unendlicher Raum noch die Wiege. Werde Mann, und dir wird eng die unendliche Welt. Friedrich Schiller. Das Kind in der Wiege. [22: 361].	Счастливым младенец! Тебе колыбель – пространство без края и меры. Мужчиною станешь и мира просторы тесны тебе станут и мелки. М.Ю.Лермонтов «Дитя в люльке» [26: 686].
--	---

Как указывается в Лермонтовской энциклопедии, «смысл подлинника передан верно, но у русского поэта отсутствует слово «unendlich» («бесконечный»), дважды повторенное Шиллером и усиливающее противопоставление «люльки» и «мира» [27: 93]. «Детство осмысляется в романтическом духе как прекрасная пора человеческой жизни, гармоничное состояние, лишённое трагической рефлексии и сомнений». Лермонтов вносит изменения в композицию стихотворения: «После обращения «Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему» поставлено двоеточие, хотя в оригинальном тексте стоит запятая, придающая развитию сюжета повествовательный характер, У Лермонтова же двоеточием подчеркивается преимущество младенческого состояния: все, что «стоит» за двоеточием, расшифровывает первую фразу, развивает главную мысль – мысль о счастье ребенка, о преимуществе детского возрастного состояния человека перед состоянием взрослым» [28: 5].

Г.Тукай в целом сохраняет смысл перевода, сделанного Лермонтовым, наполняя текст экспрессией за счет использования фразеологических единиц («Ике ат бер тиен, диңгез тубыктан тиң әле аңгар!»):

Бишектәге бала Бәхетле нарасыйдә! Тар бишек тә киң әле аңгар! Ике ат бер тиен, диңгез тубыктан тиң әле аңгар!	Младенец в колыбели Как счастлив младенец, пока ему колыбель широка. Для маленького паука малейшая щель широка.
Вәләкин бер заман, ул тик берәз үссен дә ир булсын; Күренер киң жиһан аңгар кабердән һәм ләхеттән тар. Г.Тукай «Бишектәге бала!» (1907) [14: 169].	Потом, доживая свой век, задумается человек; Могила – весь мир, а кому такая постель широка? (Пер. В.Макушевича) [24: 93].

Стихотворение также строится на антитезе детского и взрослого взгляда на мир и на жизненные ценности. Младенчество осмысляется поэтом как прекрасная пора человеческой жизни, не омраченная никакими противоречиями. Взрослея, человек постигает относительность своих представлений и суждений о мире, по-

тенциале собственной личности. Тукай размышляет с читателями о том, что невозможно личности реализовать в полной мере свой духовный потенциал. Татарский поэт сохраняет антитезу «колыбель» – «мир». Вновь для достижения экспрессивности Тукай прибегает к устойчивому синонимическому сочетанию «кабер һәм ләхет».

Г.Тукаю оказался близок по миропониманию Гете. Так, в стихотворении «Төш» («Сон») (1910) [14: 151] татарский поэт, прибегая к стилистике восточной сказки, открывает читателю истину: «Жизни блаженство в одной лишь любви» (Гете).

Художественная ткань стихотворения – дань восточной традиции. В системе образов традиционная пара – *влюбленный*, умоляющий о любви, и *возлюбленная*, кокетливая и недостижимая. Тукай обращается к образу поэта-мечтателя. Сон выступает в качестве зеркала: герой открывает для себя истинные ценности жизни. Р.Ганиева, Т.Гилязов считают, что в этом стихотворении есть отзвук истории любви Тукая к Зайтуне Мавлюдовой [15: 216-217]. В вольном переводе стихотворения Гете раскрылось могучее лирическое дарование татарского поэта.

Другим близким по духу и внутреннему ощущению Тукаю поэтом был немецкий лирик Г.Гейне. «Огромное воздействие оказал Гейне на творчество великого татарского поэта Г.Тукая. Прежде всего хочется сказать о лирических песнях Гейне, мотивы которых созвучны лирической лире Г.Тукая» [10: 30-31]. Здесь хочется вспомнить о цикле «Деревенские песни» поэта, на протяжении ряда лет создававшихся на мотивы и лад народных мелодий.

Дидактизмом и назиданием пронизан перевод Тукая из Гейне «Кемнән ярдәм эзләргә» (1908) [14: 255], который был создан на основе перевода А.Майкова «Много слышал добрых я советов». В целом перевод соответствует оригиналу. Стихотворение Гете «философично, в нем утверждается идея активного человека, призванного трудом изменить жизнь» [10: 30-31]. Увеличив стихотворение еще на пять строк, Тукай усилил интонацию в защиту поэтической независимости творца. Татарский поэт сохраняет иронический тон повествования, исповедальность интонации.

Творческие переложения произведений Шекспира, Гете, Гейне, Байрона несут отпечаток поэтической индивидуальности самого Г.Тукая. Для него при обращении к произведе-

ниям иноязычных поэтов важно было сохранение мотивов, структур, элементов систем и подсистем, т.е. общей тональности произведений.

В уральский период творчества (1905-1907) Г.Тукай чаще обращается (бывают и исключения) к наследию поэтов-романтиков, страстных, но чаще абстрактных борцов против тирании, за свободу личности, т.е. к творчеству Лермонтова, через него к Байрону, Шиллеру, Гете... В казанский же период (1908-1913) Тукай, сохраняя органическую связь с народной жизнью, в своих новых произведениях, в том числе и переложениях, больше тяготеет к историко-философским, морально-этическим мотивам, позволяющим трактовать его суждения по настроению и уровню развития читателя. Зрелому Тукаю больше импонируют глобальные мыслители, такие писатели-философы, как Шекспир, Толстой, пронизательные, тонкие лирики, как Гейне... Если, английский поэт-романтик Байрон, как и Лермонтов, были близки Тукаю восторженно-осторожным восприятием действительности, свободным полетом мысли, тонким анализом человеческой психологии, то Шекспир ему импонирует раскрытием картины мира как концепции смысла бытия, сложных движений человеческой души. При этом Тукай свободно варьирует текст и, как правило, создает новое произведение, основанное на восточном восприятии мира и внутреннего мира человека.

Литература

1. *Тукай...* : Дөнья халыклары Тукай турында / Төз.: Р.Акъегет. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 222 б
2. *Валиди Ж. Тәржемәләр* // Вақыт. 1913. № 1193. 2 б.
3. *Нигматуллин Э.Г.* Татарская литература начала XX века в ее отношении к западноевропейской литературе и эстетической мысли: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972. 232 с.
4. *Нагимов Н.И.* Переводы Сагита Сунчелея из западноевропейской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: ИЯЛИ, 2006. 24 с.
5. *Гилязов З.З.* Переводы произведений западной литературы на татарский язык в 1901-1917 гг. (в книжных изданиях) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 26-27 февраля 2009 г.) / Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ; отв. ред. А.И.Ногманов. Казань, 2009. С.250-252.
6. *Габдулла Тукай. Әсәрләр: биш томда* / Г. Тукай ; СССР ФА. Казан филиалы, Г.Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих ин-ты; текст һәм

- искәрмәләрне әзерләде Р.Гайнанов; Г.Халит редакциясендә. Т. 5: Истәлектәр. Юлъязмалар. Хатлар. Мәсәлләр һәм балалар өчен хикәяләр (1902-1913). Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 368 б.
7. См.: *Агишев Я.* Тукай. Казань: Тат.кн. изд-во, 1961. 37 с.; *Агишев Я.* Творчество Габдуллы Тукая. Казань: Татгосиздат, 1954. 93 с.; *Пехтелев И.* Тукай и русская литература. Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. 181 с.; *Пехтелев И.* Пушкин. Лермонтов. Тукай. Казань: Татгосиздат, 1949. 127 с.; *Халит Г.* Габдулла Тукай. Казань: Татгосиздат, 1956. 231 с.
8. См.: *Аминева В.Р.* М.Ю. Лермонтов и Г.Тукай: к вопросу о структурно-содержательных особенностях межлитературных текстовых образований // Филология и культура. Philologi and Culture. 2012. №2(28). С.7-10; *Аминева В.Р., Шамсутдинова Р.Г.* «Россия» Блока и «Туган жиремә» Тукая: К вопросу о читателе как субъекте межлитературных диалогов // Филология и культура. Philologi and Culture. 2012. №3(29). С. 103-106; *Гыйләҗев Т.Ш.* Тукай фәне // Әдәби мирас: тарих һәм заман. Казан: Татар. кит.нәшр., 2005. 14-86 б.; *Ганиева Р.К.* Шагыйрьнең рухи дөньясы («Габдулла Тукай» энциклопедик сүзлек-белешмәсенә әзерләнгән материаллардан). Казан: ТаРИХ, 2002. 112 б.; *Хисамов Н.Ш.* Тукайны төшенү юлында («Габдулла Тукай» энциклопедик сүзлек-белешмәсенә материаллар). Казан: ТаРИХ. 2003. 78 б.; *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: Казан. гос. ун-т, 1970. 211 с.; *Саяпова А.М.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань: Алма-Лит, 2006. 246 с.; *Халитов Г.М.* С любовью к человеку и правде: Литературно-критические статьи. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 328 с. и др.
9. *Аминева В.Р.* Г.Тукай и Н.В.Гоголь: типологические параллели // Научный Татарстан. 2011. №3. С. 132-145.
10. *Нигматуллин Э.Г.* Раздвигая века и границы: к вопросу о связях татарской литературы первой трети XX века с литературой Западной Европы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 136 б.
11. *Сәйфуллина Р.И.* Шекспир һәм Тукай // Г.Тукай мирасы һәм милли-мәдәни багланышлар // Г.Тукай тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. Казан, 2011. 165-167 б.
12. *Тукай Г.М.* Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904-1908) / Төз., текст., иск. һәм англ. әзерл. Р.М.Кадыров, З.Г.Мөхәмәтшин; кереш сүз авт. Н.Ш.Хисамов, З.З.Рәмиев. Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. 407 б.
13. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet. Moskow: Higher School Publishing House, 1972. 126 p.
14. *Тукай Г.М.* Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909-1913) / Төз., текст., иск. һәм англ. әзерл. З.Р.Шәйхелисламов, Г.А.Хөсетдинова, Э.М.Галимжанова, Р.М.Кадыров, З.З.Рәмиев. Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. 384 с.
15. Габдулла Тукай әсәрләре: сүзлек-белешмәлек / төз. һәм кереш сүз авт. З.Рәмиев: фән. мөх-ләре З.Рәмиев, З.Шәйхелисламов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 480 б.
16. *Башикуров Р.* Тукай һәм рус әдәбияты: Шагыйрьнең тәрҗемәләре турында. Казан: Тат. кит.нәшр., 1958. 120 б.
17. *Лаисов Н.* Лирика Тукая: Вопросы метода и жанра. Казань: Тат.кн. изд-во, 1978. 166 с.
18. *Тукай Габдулла.* Әсәрләр. Биш томда: IV том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 351 б.
19. Цит. по книге: *Михаэль Фридерих.* Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / Пер. с нем. И.А.Гилязова. Казань: Тат.кн.изд-во, 2011. 343 с.
20. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 655 с.
21. *Ермоленко С.И., Скобелева М.Л.* Эпиграммы М.Ю.Лермонтова: позиция лирического «я» сквозь призму языковой игры // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Вып. 3. Челябинск, 2007. С. 36-40.
22. *Schiller F.* Sämtliche werke in 10 baenden. Bd. 1: Gedichte. AufBau. Verlag. 1980. P. 347.
23. *Лермонтов М.Ю.* «К***» (Из Шиллера) (1829) ФЭБ // URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/fvers/l21/l21-0961.htm> (дата обращения 1.09.2013).
24. *Тукай Г.* Шигырьләр, поэмалар һәм әкиятләр (На русском языке. Перевод с татарского). Казан: Тат.кит.нәшр., 1986. 415 б.
25. *Загидуллина Д.Ф.* Основные мотивы в поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. №2. С.46-56.
26. *Лермонтов М.Ю.* Дитя в люльке // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. т.1. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1989. 686 с.
27. *Мотовилов Н.Н.* Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981.
28. *Лобова Т.М.* Феноменология детства в творчестве М.Ю.Лермонтова: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Лобова Татьяна Михайловна. Екатеринбург, 2008. 177 с.

КӨНБАТЫШ АУРОПА КЛАССИКАСЫ Г.ТУКАЙ ТӘКЪЛИДЛӘРЕНДӘ

Тэлгат Нәби улы Галиуллин,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
tatlit@mail.ru

Миләүшә Мөхәммәтжан кызы Хәбетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
mileuscha@mail.ru

Татар халык шагыйре Г.Тукайның (1886-1913) ирекле тәржемәләрен эстетик интерференция ноктасыннан тикшерү мәкаләнең максаты булып тора. Бу хезмәттә Тукайның Көнбатыш Аурупа классикларыннан тәржемәләренең сәнгати үзенчәлекләре аерып чыгарыла. Гыйльми мәкаләдә Тукайның Шекспир, Байрон, Шиллер, Гете, Гейне шигырьләреннән рус теле аша тәкълидләренең татар укучыларын дөнья мәдәниятең югары казанышлары белән таныштыруы һәм XX гасыр милли шигъриятең лирик геройның иҗтимагый тирәлек белән катлаулы бәйләнештәге рухи дөньясын гәүдәләндерүдә яңа мөмкинлекләр белән бастуы исбатлана.

Төп төшенчәләр: дөнья мәдәнияте, лиризм, милли поэзия, шигъри гүзәллек, әдәби процесс, татар әдәбияты, Габдулла Тукай, эстетик интерференция.